

KIII 194621

KIII 194621

Цѣна 20 коп.

В. В. Верещагинъ

(біографическій очеркъ)



ПОЛНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

выставки картинъ

В. В. ВЕРЕЩАГИНА.



(Оттискъ изъ „Вилен. Вѣстн.“ за 1900 г.).

В И Л Ъ Н А.

Типо-Лит. М. Дворжеца, Нѣм. ул., д. Слотвинскихъ.

1 9 0 1.

Дозв. ценз. 14-го Декабря 1900 г.—Вильна.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1887 году лондонскій религіозный органъ «Christian» помѣстилъ на страницахъ своихъ слѣдующій знаменательный отзывъ о картинахъ художника В. В. Верещагина:

«Картины эти принадлежатъ кисти Верещагина, неуступающаго ни одному изъ современныхъ представителей живописи, что касается до мастерства техники, и превосходящаго всѣхъ художниковъ, когда-либо жившихъ, величіемъ своихъ нравственныхъ цѣлей и доступностью своихъ назиданій сознанию всѣхъ, кто только дастъ себѣ нѣсколько труда понять его. Я хочу лишь сказать, что тотъ, кто упуститъ случай увидѣть эти картины—упуститъ наилучшую возможность понять вѣкъ, въ которомъ онъ живетъ. Если девятнадцатое столѣтіе имѣло когда-либо пророка, то этотъ пророкъ—русскій художникъ Верещагинъ».

Этими словами я и начинаю статью мою о Василіи Васильевичѣ Верещагинѣ, такъ какъ они ярко характеризуютъ значеніе его выставокъ и вырвались у извѣстнаго клерикальнаго органа въ то время, когда католическое духовенство на Западѣ обрушивалось на художника за оригинальное, смѣлое отношеніе къ религіознымъ сюжетамъ, а въ

публикѣ и печати раздавались голоса, обвинявшіе его даже въ отсутствіи таланта, тенденціозности и т. п.

Нашей Вильнѣ выпало рѣдкое счастье — на предстоящей грандіозной выставкѣ во-очію убѣдиться въ справедливости вышеприведеннаго отзыва. Но многіе-ли, слышавъ про фамилію Верещагина, знаютъ основательно, кто онъ такой, какъ человѣкъ, художникъ и писатель, какіе идеалы проведетъ въ жизни, куда стремится, чего достигнуть?!. Надняхъ еще мнѣ пришлось познакомиться съ такимъ дикимъ отзывомъ о Верещагинѣ, какъ художникѣ, отъ котораго я краснѣлъ, стыдился... конечно, за говорившаго. Когда я задумалъ набросить настоящую статью, то во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Вильны не нашлось ни одной печатной строчки о великомъ художникѣ, по поводу произведеній котораго у насъ и за границей создалась уже цѣлая серьезная литература, такъ что булгаковское изданіе принужденъ былъ я выписать отъ помѣщика изъ деревни, а брошюры Верещагина, въ которыхъ онъ говоритъ попутно о себѣ и своихъ художественныхъ идеалахъ, а случайно нашелъ у лица, совершенно непричастнаго къ искусству.

Но безъ страха принимаюсь я за составленіе хотя-бы краткаго очерка — для того, чтобы познакомить публику съ удивительнымъ человѣкомъ, не боявшимся явиться въ Вильну со своими картинами, хотя городъ нашъ уже

заслужилъ издавна незавидную репутацію равнодушнаго къ художественнымъ выставкамъ, на которыхъ не лежитъ печать національной тенденціозности... Но не такой бѣглый, спѣшный трудъ хотѣлъ бы я сложить къ ногамъ этого самороднаго русскаго генія — ко дню открытія его выставки!.. Впрочемъ, лучше сказать что нибудь, чѣмъ промолчать. II я начинаю, заранѣе извиняясь и передъ читателями и передъ художникомъ — если ему попадутся ему эти строки...



В. В. Верещагинъ родился 14 октября 1842 года въ г. Череповцѣ, Новгородской губерніи, въ довольно богатой, многочисленной помѣщичьей семьѣ. (Отецъ его былъ уѣздный предводитель дворянства). Рано сталъ развиваться маленькій Вася въ деревенской обстановкѣ, испытывая на себѣ въ качествѣ «барчонка» того времени—и чрезмѣрное бдѣтельство матери, и суровыя наказанія отца за невинныя въ сущности шалости, съ увлеченіемъ отдавая ребячіе досуги охотѣ, рыбной ловлѣ, собиранію грибовъ, и, такимъ образомъ, знакомясь близко съ деревенскою природою. Сказки суевѣрной, невѣжественной няни, исключительная обстановка крѣпостного быта, столкновенія съ простымъ народомъ — крѣпостными, бурлаками, странниками—и его воззрѣніями—скоро стали поднимать въ головкѣ талантливаго ребенка вопросы, несвойственные его возрасту. Учился онъ хорошо, съ охотою, даже порой съ увлеченіемъ, читалъ заповѣдь, плѣняясь преимущественно подвигами героевъ русской исторіи, которую зналъ отлично. Воображеніе мальчика усиленно работало, создавая картины прошлаго и заставляя дѣлать попытки перенести на бумагу съ помощью карандаша то, что носилось въ туманныхъ, неясныхъ образахъ. Вотъ почему уже въ раннемъ дѣтствѣ Вася Верещагинъ дѣлалъ рисунки, копируя съ гравюръ и обнаруживая при этомъ несомнѣнный художественный талантъ, на который, къ сожалѣнію, въ семьѣ не обраща-

лось вниманія. За неимѣніемъ хорошихъ оригиналовъ, мальчикъ довольствовался также рисунками, попадавшими въ домъ дяди его, и подолгу любовался убогою живописью на мѣстныхъ образахъ сельскаго храма, казавшеюся ему въ ту пору выдающеюся и далѣе которой идти трудно.

Прошли первыя 8 лѣтъ дѣтства. Маленькаго Верещагина оторвали, наконецъ, отъ семьи и повезли въ Царское Село, въ Александровскій корпусъ для малолѣтнихъ,—гдѣ встрѣтила его, съ первыхъ же шаговъ, суровая, непривычная обстановка, сомнительные нравы закрытаго заведенія, подчасъ грубые воспитатели. Только воспитательницы—по воспоминаніямъ Верещагина—скрашивали, по мѣрѣ силъ, неприглядныя стороны тогдашней кадетской жизни.—Началась строевая муштра, обученіе фронту, шагистикѣ—и это послѣ деревенской свободы!.. Тяжело жилось сначала въ стѣнахъ корпуса впечатлительному, нервному, вдумчивому ребенку, плохо сходился онъ съ товарищами, пока не втянулся въ кадетскій бытъ и не научился, отстаивая свою личность, бороться съ вредными вліяніями. Нечего говорить, что и въ корпусной жизни были свои хорошія стороны: здѣсь, напр., Верещагинъ прилежно занялся изученіемъ англійскаго языка, началъ учиться рисованію у художника Кокорева, требовавшаго, впрочемъ, главнымъ образомъ у своихъ учениковъ чистоты и аккуратности въ рисунокѣ—качествъ,

которыми не отличались въ то время работы разбѣяннаго мальчика... Въ корпусѣ, какъ и въ семьѣ, никто не подмѣтилъ въ немъ задатковъ будущаго таланта. И не разъ, видя успѣхи другихъ товарищей по рисованію, приходилъ въ глубокое отчаяніе Верещагинъ, даже втайнѣ завидовалъ имъ... Но мысль сдѣлаться современемъ настоящимъ, великимъ художникомъ уже съ дѣтства твердо засѣла въ его головѣ и не давала ему покоя...

Въ 1853 г., окончивъ Александровскій корпусъ, Верещагинъ поступилъ въ морской корпусъ, гдѣ ожидала его еще болѣе суровая обстановка, стремившаяся убить всякую личную инициативу, подвести подъ общій уroveň... Несмотря на подобныя условія, Верещагинъ внѣкорпусные досуги свои отдавалъ рисованію и литературнымъ трудамъ, дѣлая переводы съ англійскаго языка на русскій и получая за это незначительный гонораръ. Въ морскомъ корпусѣ художественный талантъ Верещагина сдѣлалъ уже значительные шаги впередъ и обратилъ на себя, наконецъ, вниманіе учителя рисованія Каменева, а также художника Ѳомина, которые, будучи сами посредственностями въ вопросахъ искусства, мало оказали вліянія и на развитіе природнаго дарованія ихъ ученика. За то морская поѣздка въ 1857 году, въ качествѣ пятнадцатилѣтняго гардемарина, заграницу сыграла выдающуюся роль въ жизни Верещагина — въ смыслѣ умственнаго и художественнаго раз-

внѣ:—во время этой поѣздки онъ много читалъ, еще болѣе наблюдалъ, зарисовывалъ на свободѣ; не было той муштры, которая угнетала въ стѣнахъ корпуса. Наконецъ, онъ увидѣлъ новыя страны, новыхъ людей, познакомился съ иными нравами. Все это не могло не дать пища его уму и воображенію —такъ что, по возвращеніи изъ плаванья, онъ принялся серьезно за живопись и въ 1858 г. сталъ посѣщать школу общества поощренія художествъ, какъ бы подготовлявшую къ академіи, о которой сохранялъ навсегда самыя свѣтлыя воспоминанія.

Карьера морского офицера по прежнему нѣсколько не прельщала Верещагина, и новое плаванье—въ Англію, давшее новую пищу его наблюдательности, только усилило въ немъ страсть къ живописи и желаніе сдѣлаться во что бы то ни стало настоящимъ художникомъ. Вотъ почему, не смотря на открывшуюся служебную карьеру и неудовольствіе родныхъ, нежелавшихъ видѣть его живописцемъ, Верещагинъ въ 1860 году, по окончаніи морского корпуса, вышелъ въ отставку съ чиномъ «франпорщика гарнизонной команды» и поступилъ въ академію художествъ.

Пребываніе въ академіи было знаменательнымъ для Василія Васильевича въ томъ отношеніи, что убѣдило его—вопреки принятой тогда академической системѣ—въ превосходствѣ работы съ натуры надъ рабскимъ подражаніемъ признаннымъ мастерамъ и

копированіемъ съ ихъ произведеній. Извер-
вые обрисовались здѣсь, въ академіи, изгля-
ды Верещагина—въ рядѣ протестовъ про-
тивъ установившейся академической рутины.
Но трудно было бороться одному, начинаю-
щему, противъ общаго теченія!... И тѣмъ
не менѣе онъ не побоялся отстаивать свои
убѣжденія гдѣ только представлялась къ то-
му возможность.

Въ 1860 году видимъ мы Верещагина въ
Парижѣ. Здѣсь встрѣтилъ онъ художника
Деверіа, пытавшагося отклонить его отъ изу-
ченія натуры. Въ 1863 году онъ уже на
Кавказѣ. Много испытаний, борьбы, разоча-
рованій пришлось вынести молодому худож-
нику, лишенному матеріальной поддержки,
для того, чтобы имѣть возможность совер-
шить послѣднюю новизку, и часто нуждался
онъ въ предметахъ первой необходимости.
Но неутоляемая любовь къ искусству, страст-
ное стремленіе ближе изучить дикую, дѣв-
ственную природу Кавказа—заставляли его
переживать все безропотво, постоянно учась,
наблюдая, запоминая, зачерчивая, трудясь
по дѣльнымъ часамъ подрядъ, чтобы не поте-
рять даромъ дорогого времени...

Въ 1864 г. Верещагинъ снова уѣзжаетъ въ
Парижъ и продолжаетъ тамъ свое художествен-
ное образованіе въ школѣ знаменитаго живо-
писца Жерома. Новые товарищи по школѣ—
какъ рассказываетъ самъ Верещагинъ—враж-
дебно, грубо и цинично встрѣтили неизвѣстнаго

смѣльчака, прїѣхавшаго изъ «варварской» Россіи конкурировать съ ними, несмотря на то, что самъ Жеромъ и начальникъ искусствъ при Наполеонѣ III, гр. Ньерверкерке, сразу оцѣнили выдающійся его талантъ и предсказали ему блестящую будущность... Много пришлось перенести въ ту пору бѣдняку-художнику, отстаивая свои взгляды, убѣжденія, порой даже личное достоинство. Но борьба, съ юныхъ лѣтъ только закаляла всегда нравственные силы Василя Васильевича, что и выразилось ярко въ столкновеніяхъ и спорахъ его съ Жеромомъ, требовавшимъ, чтобы ученикъ его рабски прошелъ ту-же классическую школу, въ которой воспитывался онъ самъ, тогда какъ Верещагина попрежнему сознательно тянуло къ живой натурѣ, а копированіе со старинныхъ образцовъ, украшавшихъ Луврскія галлерей, настойчиво рекомендованное Жеромомъ, было прямо противно его художественному пониманію. Уже въ тѣ дни Верещагинъ былъ твердо убѣжденъ, что подражаніе даже хорошимъ образцамъ только убиваетъ всякій талантъ; что надо стараться рисовать не такъ, какъ рисовали великіе учителя, уже отжившіе свой вѣкъ и сдѣлавшіеся достояніемъ исторіи искусствъ, что, напротивъ, необходимо слѣдить за собою, чтобы не повторить сказаннаго ранѣе другими... Его не понимали; надъ нимъ открыто, грубо смѣялись... А онъ все болѣе и болѣе укрѣплялся въ своихъ

равѣтныхъ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ, прѣмѣ-
вая ихъ—по мѣрѣ силъ и средствъ—на
практикѣ. Въ природѣ искалъ онъ темъ для
своихъ работъ; у нея жадно, съ любовью
поучался. Тамъ не менѣе, при такихъ усло-
віяхъ, которыя создались разностью взгля-
довъ его съ теоріями Жерома, Верещагина
жилося и работалось далеко не весело. Не-
удивительно, поэтому, что въ концѣ концовъ
неудержимо потянуло его изъ шумваго Па-
рижа, изъ мастерской моднаго живописца,
отъ его учениковъ—на свѣтъ, на воздухъ,
на свободу!..

И вотъ мы снова видимъ Верещагина въ
1865 году на Кавказѣ, снова въ тискахъ
нужды, но всецѣло отдавагося писанью съ
натуры. Казалось, художникъ усидчивымъ
трудомъ желалъ наверстать теперь—по его
мнѣнію—даромъ потерянное въ Парижѣ
время. Путевые альбомы его той эпохи
быстро заполнялись многочисленными рису-
нками, которые оригинальностью и смѣлостью
заставили безпристрастно удивляться самого
Жерома, впослѣдствіи ихъ увидѣвшаго.

Пребываніе на Кавказѣ имѣло для Верещ-
агина уже то огромное значеніе, что приу-
чило его—какъ художника—мириться совсѣмъ
лишеніями, невзгодами и случайностями
тамъ, гдѣ жизнь его сталкивалась лицомъ къ
лицу съ какой-либо интересовавшей его ху-
дожественною задачей, работать при всякой
обстановкѣ... Воспоминанія Верещагина, от-

носящіяся къ этому времени, ямъ нанечатанныя, полны подробностей часто комичнаго или драматическаго свойства, рисующихъ, тѣмъ не менѣе, природу и дикій народъ, среди которыхъ приходилось ему по цѣлымъ днямъ работать...

Вернувшись въ Парижъ, впервые сталъ помѣщать онъ свои рисунки въ различныхъ изданіяхъ, а зиму 1865—1866 г. провелъ въ усиленной работѣ, забывъ и удовольствія, и отдыхъ, поглощенный всецѣло лишь задачами искусства.

Смерть дяди, оставившаго Василю Васильевичу въ наслѣдство сельцо Любецъ, на берегу рѣки Шексны, и улучшившая его матеріальное положеніе, привела его въ Россію уже художникомъ—какъ говорится—достаточно набившимъ себѣ руку въ дѣлѣ живописи. Здѣсь, увлекшись сценами изъ быта тянувшихъ по Шекснѣ бичеву страдальцевъ—бурлаковъ, набросалъ онъ многочисленные этюды съ этихъ бурлаковъ, желая создать съ помощью ихъ огромную картину, которую, однако, не окончилъ.

Затѣмъ мы видимъ опять его работающимъ усердно въ мастерской Жерома. Но молодому художнику не сидѣлось на мѣстѣ: ему нужны были новыя впечатлѣнія, новыя, оригинальныя модели, новые свѣтовые и тѣневые эффекты. Онъ хорошо сознавалъ, что жизнь, есть оплошной серьезный трудъ, что надо еще учиться и учиться—для успѣха, беря

непосредственно уроки у великаго профессора — природы. Душный, людный Парижъ съ его искусственной сутолокой, давалъ въ этомъ отношеіи блѣдный, шаблонный матеріалъ, по прежнему неудовлетворявшій вдумчиваго и пытливаго художника. Его по-прежнему здѣсь не всѣ понимали. Мало того, первые успѣхи не могли не вызвать завистливаго чувства у разныхъ художественныхъ посредственностей и бездарностей, побѣдоносно шедшихъ проторенными дорогами къ опредѣленнымъ цѣлямъ, часто ничего общаго неимѣвшимъ съ настоящимъ искусствомъ, какъ понималъ послѣднее Верещагинъ... Надо было снова бѣжать и — къ счастью — выходъ открылся: въ 1867 году знакомство съ генераломъ К. П. Кауфманомъ дало Василю Васильевичу возможность отправиться въ Туркестанъ... Не раздумывая долго, не испугавшись долгаго, опаснаго пути, бросаетъ онъ Парижъ, начавъ тамъ работы и ѣдетъ въ далекій, невѣдомый ему край — за свѣжими, неиспытанными еще впечатлѣніями.

Ему повезло въ томъ отношеіи, что онъ прямо попалъ въ Самаркандъ, осажденный, вскорѣ по его пріѣздѣ, при небольшомъ числѣ защитниковъ, полчищами узбековъ — послѣ отправки въ походъ генерала Кауфмана съ главными силами. Во время продолжительнаго, тяжелаго самаркандскаго сидѣнья, когда сотни враговъ приходились на одного русскаго защитника, Василій Васильевичъ былъ душой осажденнаго гарнизона, пользовался

любовью и уваженіемъ какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, выказавъ неоднократно на глазахъ у всѣхъ удивительное мужество, сражаясь вараду съ простыми солдатами, рискуя жизнью и полагая собою высокій примѣръ самопожертвования, товарищества, исполненія долга. Нечего говорить, что боевая обстановка принесла художнику огромный матеріалъ свѣжихъ, яркихъ впечатлѣній, а это, въ свою очередь отразилось впоследствии на его картинахъ изъ туркестанской жизни. Георгіевскій крестъ за боевые подвиги украсилъ грудь Верещагина.

Пребываніе въ Туркестанѣ дало рѣшительный толчокъ и міросозерцанію Василя Васильевича, выдвинувъ передъ нимъ впервые войну со всѣми ея ужасами, съ ея неподкрашенной правдою, раскрывъ передъ нимъ рядъ потрясающихъ сценъ, интересныхъ типовъ страны, которая не была до того изучена художниками... Матеріала представилось достаточно для работы и перомъ, и кистью!..

Результатомъ наблюденій Верещагина явился рядъ его картинъ, помѣщенныхъ въ 1869 году въ Петербургѣ—въ видѣ отдѣла при туркестанской выставкѣ—и обратившихъ на него сразу-же вниманіе всѣхъ, начиная съ Императора Александра II, несмотря на то, что имя Василя Васильевича было тогда еще мало извѣстно въ художественномъ мірѣ.

Новая поѣздка Верещагина въ Туркестанъ дала ему новый обильный матеріалъ и обогатила портфели массой этюдовъ и на-

броскѣ съ натуры. Онъ могъ еще разъ провѣрить свои первыя туркестанскія впечатлѣнія, а также, пользуясь случаемъ, совершить интересное путешествіе въ другія невидѣныя имъ страны по киргизскимъ степямъ и Семерѣченской области—до границъ Китая—путешествіе, полное даже боевыхъ приключеній.

Пріѣхавъ въ 1871 году въ Мюнхенъ, устроившись въ бывшей мастерской знаменитаго художника Гершельта, Верещагинъ принялся переносить съ этюдовъ и набросковъ на полотно свои послѣднія художественныя наблюденія, по-прежнему работая по цѣлымъ часамъ подрядъ, иногда въ самой неблагопріятной обстановкѣ, не щадя здоровья и силъ, покидая кисть лишь для необходимаго отдыха или по болѣзни. Въ Мюнхенѣ были написаны имъ, между прочимъ, надѣлавшія столько шуму и въ послѣдствіи уничтоженныя самимъ художникомъ батальныя картины: «Вошли», «Окружили-преслѣдуютъ», «Забитый». (Онѣ дошли до насъ лишь въ фотографическихъ снимкахъ). Прибавивъ къ этимъ произведеніямъ еще другія, относившіяся къ войнѣ, и представивъ, такимъ образомъ, войну въ разныхъ ея проявленіяхъ съ безпощадной правдою, Верещагинъ сдѣлалъ выставки въ Лондонѣ, Петербургѣ. Ему хотѣлось возможно скорѣе сказать обществу истину относительно предмета, который, по мнѣнію его, трактовался

до тѣхъ поръ ложно. Много огорченій пришлось вынести при этомъ художнику, какъ борцу за реализмъ въ искусствѣ— и отъ друзей, и отъ враговъ. Въ то время, какъ Императоръ Александръ II по-прежнему благосклонно отнесся къ молодому художнику и новымъ его произведеніямъ, на Василія Васильевича посыпались горячія обвиненія въ печати въ отсутствіи патріотизма, въ тенденціозной лжи—даже отъ такихъ лицъ, какъ генераль Кауфманъ, любовью котораго и уваженіемъ онъ дорожилъ. Вмѣсто заслуженнаго успѣха, Верещагинъ неожиданно попалъ подъ перекрестный огонь непониманія, клеветы, голословныхъ обвиненій. Большинство нападавшихъ не видѣла войны и оудили о ней по произведеніямъ, украшавшимъ картинныя галлерей. Съ такими людьми не стоило и разсуждать... Но еще больнѣе было выслушивать замѣчанія отъ тѣхъ, кто на себѣ испыталъ войну и, однако, возражалъ противъ неприкрашенной правды, вложенной въ картины. Новый путь, указанный художникомъ въ области батальной живописи, былъ настолько смѣлъ и рѣзокъ, что ошеломянная толпа, нервы которой раздражала эта вопіющая, голая правда, не допускаящая иллюзій, какъ-бы хотѣла вымѣстить на художникѣ то, что выстрадала она невольнo у его произведеній... Пришлось пережить тяжелую нравственную пытку, сознавая при томъ свою правоту. Самый

фактъ уничтоженія картинъ, создававшихся порой со слезами на глазахъ и муками въ сердцѣ по эскизамъ, сдѣланнымъ съ натуры, показываетъ на то настроеніе, которое переживалъ въ тѣ дни бѣдный Верещагинъ. Надо было бѣжать отъ этого непониманія, отъ этой травли... И вотъ, покинувъ Петербургъ, Василій Васильевичъ отправляется въ Индію. Зѣкъ дошла до него вѣсть о томъ, что академія художествъ дала ему званіе профессора. Презирая въ сферѣ искусства всякія наружныя отличія, званія и чины, считая ихъ только мишурой, вредящей дѣлу а, можетъ быть, и подъ влияніемъ всего только что пережитого въ столицѣ, гдѣ его большинство не поняло, Верещагинъ не любялся въ рѣзкой, категорической формѣ напечатать въ «Голосѣ» свой отказъ отъ предложеннаго ему званія. Нечего говорить, что противъ него поднялась за это ужасная буря, отголоскомъ которой была статья академика Тютрюмова въ «Русскомъ мірѣ», гдѣ Верещагинъ печатно обвинялся въ корыстолюбіи, въ писаніи картинъ въ Мюнхенѣ «компанейскимъ способомъ», въ попыткахъ прикрыть техническіе ихъ недостатки разными недостойными имени художника фокусами—вродѣ искусственнаго освѣщенія зала выставки.... Трудно было бороться съ такой клеветой Верещагину изъ далекой Индіи.... Но свѣтъ не безъ порядочныхъ людей: въ отвѣтъ на заявленіе Тютрюмова

лучшіе русскіе художники—баронъ Клодтъ Ге, Якоби, Шишкинъ, Крамской и другіе—напечатали въ газетѣ «Голосъ» коллективный протестъ отъ имени товарищества передвижныхъ выставокъ—по адресу Тютрюмова, а извѣстный художественный критикъ В. В. Стасовъ, по уполномочію Верещагина, потребовалъ официально отъ Тютрюмова, фактовъ и доказательствъ, которыхъ тотъ не могъ, конечно, дать. Между тѣмъ подробное разслѣдованіе, произведенное въ Мюнхенѣ, гдѣ работалъ Верещагинъ, среди мѣстныхъ художниковъ, доказало полную лживость обвиненія, взведеннаго Тютрюмовымъ, что и выражено было въ заявленіи, подписанномъ мюнхенскими художниками и затѣмъ напечатанномъ въ газетахъ. Такимъ образомъ, гадкая интрига, направленная противъ Верещагина, благодаря энергичнымъ усиліямъ друзей истины, не имѣла на этотъ разъ успѣха, а только послужила, какъ и всѣ предыдущія, вынесенныя имъ испытанія, къ прославленію, популяризаціи его незапятнаннаго имени.

Коллекцію туркестанскихъ картинъ Верещагина, долго ненаходившую себѣ покупателя, пріобрѣлъ, наконецъ, въ Москвѣ извѣстный меценатъ Ш. М. Третьяковъ, и теперь всякій, посѣщающій Москву, русскій или иностранецъ, считаетъ долгомъ своимъ съ нею познакомиться—наравнѣ съ другими достопримѣчательностями Бѣлокаменной.

И въ Индіи пришлось Верещагину писать свои этюды иногда въ самой тяжелой обстановкѣ, часто страдая отъ жары, холода, москитовъ, терпя всевозможныя лишенія, рискуя жизнью и здоровьемъ. Какъ о предыдущихъ своихъ путешествіяхъ Василій Васильевичъ составилъ и о пребываніи въ Индіи интересныя воспоминавія, въ которыхъ со свойственнымъ ему юморомъ и наблюдательностью рассказываетъ о своихъ встрѣчахъ, приключеніяхъ... Всюду, куда ни забрасывала его судьба—на снѣжныхъ вершинахъ, въ тропическую жару—онъ неутомимо изслѣдовалъ природу, набрасывалъ типы, сцены мѣстной жизни, изучалъ мѣстные нравы, копаясь въ душѣ человѣческой, уясняя себѣ сущность происходившихъ событій, по прежнему терпѣливо учась и учась...

Новый, богатый матеріалъ привезъ онъ зато въ 1877 г. въ Парижъ, гдѣ, устроивъ удобную мастерскую и спрятавшись отъ общества, принялся за писанье цѣлаго ряда картинъ изъ индійской жизни, безъ строго обдуманной программы, начиная съ изображенія покрытыхъ вѣчными снѣгами, недоступныхъ ногъ человѣческой, «Гималайскихъ вершинъ» и кончая путешествіемъ принца Уэльскаго въ Индію. Задумано было много; тѣмъ не менѣе, художникъ торопился набросать картины, пока не остыли впечатлѣнія, отказываясь отъ радостей жизни, общества, развлеченій, съ головой погружившись въ

воспоминанія, эюды, зайѣтки... Но такъ продолжалось сравнительно недолго: началась русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Верещагинъ изъ мирной мастерской вновь бросился къ натурѣ, туда, гдѣ проливалась человѣческая кровь и торжествовала смерть. Онъ не ѣхалъ на войну съ предвзятой цѣлью — восхвалять тѣ или другіе подвиги, облачать въ художественную форму тѣ или другіе отдѣльные эпизоды и дѣлать себѣ этимъ путемъ карьеру. Нѣтъ! Онъ стремился увидѣть еще разъ всѣ ужасы войны, безъ прикрасъ, въ ихъ потрясающей душу наготѣ, желалъ снова взглянуть на людей въ обстановкѣ, когда «звѣрь» беретъ поневолѣ верхъ въ человѣкѣ надъ завѣтами Христа. Его соблазняла мысль—еще разъ самому пережить все то, что переживаютъ на войнѣ другіе, чтобы имѣть право сказать обществу горькія истины, облеченныя въ художественную форму. И дѣйствительно, онъ беззавѣтно бросился въ самый пылъ военныхъ дѣйствій, перешелъ, терпя всевозможныя лишенія, съ войсками нашими черезъ Дунай, дошелъ въ отрядѣ генерала Гурко до Балканъ, перешелъ за Балканы, участвовалъ въ рядѣ сраженій и стычекъ и очутился въ отрядѣ М. Д. Скобелева, гдѣ и закончилъ кампанію. Верещагину повезло въ смыслѣ разнообразія сильныхъ ощущеній. Вездѣ рисковалъ онъ жизнью, точно смѣясь надъ страданіемъ и смертью, вездѣ былъ первымъ солдатомъ или

изъ первыхъ, подавая примѣръ, выручая ближняго, скромно стушевываясь предъ другими. Въ сочиненіяхъ В. И. Немировича-Данченко, хорошо знакомаго съ Верещагинымъ и видѣвшаго его въ разные моменты въ пылу сраженій, сохранилось много интересныхъ воспоминаній объ этой эпохѣ изъ жизни нашего художника. Кое-что описалъ и самъ Верещагинъ. И когда читаешь, напримѣръ, его разсказъ о неудавшейся героической попыткѣ Скрыдлова взорвать маленькой миноноскою «Шутка» огромный турецкій мониторъ на Дунай—попыткѣ, въ которой дѣятельное участіе, подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ и пуль, принималъ Верещагинъ, то ужасъ невольно охватываетъ васъ, настолько безпощадно правдиво, не дѣлая изъ себя героя, передаетъ Верещагинъ ощущенія свои во время этого безпримѣрнаго, граничившаго съ (езуміемъ, подвига нашихъ моряковъ.

Много тяжелыхъ сценъ довелось видѣть Василию Васильевичу на войнѣ: онъ не могъ не отразиться на его міросозерцаніи, пройти для него безслѣдно. Такъ, послѣ взятія Шипки, пошелъ онъ по обыкновенію обходить поле сраженія, гдѣ наткнулся на трупъ юнаго вольноопредѣляющагося, лежавшій въ сторонѣ отъ другихъ... Вотъ какъ описываетъ Ѳ. И. Булгаковъ, со словъ художника, его впечатлѣнія:

«Молодой человѣкъ лежалъ навзничъ, ру-

ки и ноги раскинуты, глаза широко открыты и смотреть въ небо—видно убить наповаль. Сапоги, какъ самая нужная въ походѣ вещь, сняты, карманы выворочены и письма въ огромномъ количествѣ разбросаны вокругъ—искали, очевидно, не корреспонденцію его. Впрочемъ, золотой крестикъ и образокъ, на золотой-же цѣпочкѣ, были нетронуты—доказательство того, что ограбившіе трупъ были не турки».

Верещагинъ подобралъ письма и узналъ изъ нихъ, что это юноша—изъ дворянской семьи съ юга Россіи, собиравшійся было служить въ акцизномъ вѣдомствѣ, но, по объявленіи войны, возгорѣвшійся желаніемъ послужить родинѣ на полѣ брани. Вся нѣжность матери сказала въ этихъ письмахъ: она благословляла его несчетное число разъ, умоляла беречь себя, извѣщала о посылкѣ ему съ оказіей любимого имъ «варенья» и проч.. «Пробѣгая эти письма—говоритъ Верещагинъ—я стоялъ около молодого человѣка и, по временамъ, взглядывалъ на него: можно было подумать, что онъ прислушивается къ моему чтенію вѣстей съ родины; такъ пылко смотрѣли вверхъ его, широко раскрытые, хотя и помутнѣвшіе глаза, такое удивленіе, вмѣстѣ съ глубоко затаенною печалью сказывалось въ его хорошенькомъ личикѣ нѣжнаго цвѣта съ едва пробивающимися усиками. Я отослалъ эти письма матери убитого, и сколько же благословеній полу-

чилъ отъ нее—слезы набѣгаютъ при одномъ воспоминаніи»...

Раненый въ ногу во время вышеупомянутой экспедиціи на «Шуткѣ», Верещагинъ принужденъ былъ отстать отъ дѣйствующей арміи и, оправившись, попалъ уже прямо въ отрядъ М. Д. Скобелева, а съ нимъ—на приснопамятную въ лѣтонисяхъ послѣдней русско-турецкой войны Шипку. Несмотря на суровую зиму, часто подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ, набрасывалъ онъ свои этюды, бродилъ по полямъ сраженій, среди труновъ, изучая выраженіе лицъ покойниковъ, ихъ позы, посѣщалъ лазареты, во все вглядываясь, вдумываясь, запоминая, зачерчивая въ свои альбомы—людей, животныхъ, природу, свѣтовые эффекты, общій видъ сраженія... Не даромъ-же впоследствии изъ-подъ его кисти создались такія потрясающія душу картины, какъ отпѣваніе массы русскихъ солдатъ, варварски замученныхъ подъ Телишемъ турками...

Въ качествѣ храбраго, наблюдательнаго, предприимчиваго человека, Василій Васильевичъ оказалъ отряду Скобелева неоцѣнимыя услуги и навсегда остался другомъ «бѣлаго генерала».

По возвращеніи съ театра военныхъ дѣйствій, не давъ себѣ отдыха, цѣлыхъ цѣль года проработалъ Верещагинъ надъ созданіемъ ряда картинъ изъ русско-турецкой войны. Надо замѣтить, что никогда не могъ онъ

писать картинъ своихъ на мѣстѣ военныхъ дѣйствій, а набрасывалъ тамъ лишь эскизы съ натуры. Необходимъ былъ извѣстный промежутокъ времени, чтобы испытанныя впечатлѣнія улеглись. Тенденція—чужда его таланту.

«Много было писано о моихъ произведеніяхъ», говоритъ Верещагинъ, «не мало было высказано упрековъ по поводу моихъ картинъ, сюжеты которыхъ я заимствовалъ изъ религіозной и военной области. А между тѣмъ всѣ эти картины написаны мною безъ всякой предвзятой идеи, написаны мною лишь потому, что сюжеты ихъ интересовали меня. Нравоученіе являлось въ каждомъ данномъ случаѣ въ послѣдствіи, какъ выраженіе вѣрности впечатлѣній».

Присоединивъ къ картинамъ изъ русско-турецкой войны свои индійскія картины, Василій Васильевичъ въ 1880 году открылъ въ Петербургѣ новую выставку. Его уже хорошо знали; его художественная репутація уже прочно была установлена. Безчисленная толпа повалила на выставку—и вновь раздались голоса «за» и «противъ» художника. Передъ картиной, на которой было изображено поле съ трупами изувѣченныхъ русскихъ солдатиковъ, за вѣру, Царя и отечество подожившихъ животъ свой, надъ которыми служить панхида священникъ—толпа благоговѣнно, робко замолкала и останавливалась. Это молчаніе имѣло внушительное значеніе,—какъ

доказательство ужасающей правды, вложенной въ незамысловатый сюжетъ. Тѣмъ не менѣе, именно эту картину и заподозрили въ явной, тенденціозной лжи, о чемъ раздавались голоса въ публикѣ и въ печати... Художнику въ глаза сыпались дерзкія обвиненія въ неправдѣ, клеветѣ... Но вотъ случайно на выставку приходятъ тотъ самый военный священникъ, который служилъ панихиду по страдальцамъ, и который былъ изображенъ на картинѣ. Увидя послѣднюю, онъ не удержался, чтобы не воскликнуть: «совершенно вѣрно все; это я былъ тамъ. Все такъ, какъ было!» Нуженъ былъ такой безхитростный, безпристрастный свидѣтель, понавшій на выставку, чтобы толпа увѣровала въ правдивость художника... Государь Императоръ Александръ II потребовалъ картины въ Зимній дворецъ, провелъ передъ ними нѣсколько часовъ и почти передъ каждымъ холстомъ съ грустью говорилъ: «Все это вѣрно, все это такъ было!» Послѣ подобнаго отзыва Царя-очевидца Верещагинъ могъ равнодушно относиться къ нападкамъ своихъ враговъ и на этотъ разъ не уничтожалъ своихъ произведеній. На выставку часто заходилъ и герой Шейнова — М. Д. Скобелевъ, любясь картиною, на которой Верещагинъ изобразилъ его скачущимъ передъ побѣдоносными русскими войсками по полю, убитымъ трупамъ. Однимъ словомъ, произведенія Верещагина, несмотря на зависть, недоброжелательство, непониманіе за-

воевали-таки сердца, потрясли ихъ и заставили биться чувствами, 'ничего общаго немѣвными съ мелкими, повседневными страстями...

Въ 1881—1883 гг. коллекція картинъ Верещагина изъ русско-турецкой войны путешествовала по Европѣ, побывавъ послѣдовательно въ Вѣнѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Дрезденѣ, Гамбургѣ, Брюсселѣ, Цештѣ—всюду, вызывая искренній восторгъ, толки, споры, удивленіе переть русскимъ оригинальнымъ талантомъ. Но, не смотря на выставки, Василій Васильевичъ работалъ и работалъ, увеличивая ту же серію картинъ новыми полотнами. Появились знаменитыя картины «Передъ атакой», «Турецкій лазаретъ», «Перевязочный пунктъ». Матеріала у художника было въ запасѣ довольно!

Въ 1883 году «болгарскія» картины (изъ русско-турецкой войны) выѣстъ съ индійскими выставлялись съ безпримѣрнымъ успѣхомъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Въ 1884 году мы видимъ Верещагина въ Индіи, Сиріи, Палестинѣ. Результатомъ этой поѣздки были новыя произведенія, надѣлавшія много шума—«Тріумфальный въѣздъ индійскаго вице-короля», «Индійская казнь», а также группа палеотинскихъ картинъ. Тѣ же картины побывали въ Германіи, Англіи, Америкѣ: слава Верещагина, какъ величайшаго, оригинальнѣйшаго художника нашего

столѣтія, окончательно упрочилась за-границей.

Въ послѣдніе годы Василій Васильевичъ, кромѣ массы пейзажей, изображающихъ природу Сѣвера и Юга, написалъ рядъ картинъ изъ эпохи отечественной войны 1812 г., обратившихъ уже на себя вниманіе знатоковъ искусства. Картины эти мы въ скоромъ времени сами увидимъ въ Вильнѣ и дадимъ о нихъ своевременно посильный отзывъ на страницахъ «Виленскаго Вѣстника». Пояснительный каталогъ къ этой серіи картинъ указываетъ на то, какъ много пришлось перечитать и передумать Василю Васильевичу, прежде чѣмъ приступить къ исполненію.

Узкія рамки газетной статьи не позволяютъ привести все восторженные отзывы о произведеніяхъ Верещагина, высказанные печатно знатоками искусства, какъ нѣтъ возможности перечислить здѣсь все картины, этюды, наброски красками, карандашемъ и перомъ, имъ сдѣланные. Многія изъ работъ были утеряны, погублены во время его безпрестанныхъ скитаній; нѣкоторыя истребилъ онъ самъ. Въ общемъ-же, все дошедшія до насъ и хранящіяся въ галлерейхъ произведенія художника, можно раздѣлить на пять главныхъ группъ: 1) туркестанскія картины и этюды; 2) индійскія картины; 3) картины изъ послѣдней русско-турецкой войны; 4) палестинскія картины и этюды; 5) картины

изъ эпохи пребыванія Наполеона въ Россіи въ 1812 году.

Слѣдуетъ отмѣтить, что выставки Верещагинскихъ произведеній всюду становились событіемъ дня, вызывали небывалое оживленіе въ обществѣ, прессѣ, горячій обмѣнъ мыслей и впечатлѣній. Безчисленныя каррикатуры обыкновенно предшествовали и сопутствовали Верещагину въ его артистическихъ путешествіяхъ по Европѣ съ картинами-каррикатами, по содержанію, скорѣе лестныя, чѣмъ обидныя. Въ изданіи Булгакова помѣщены нѣкоторыя изъ нихъ, причемъ самыя интересныя—относящіяся къ столкновенію, происшедшему въ 1885 году между Верещагинымъ и католическимъ духовенствомъ Вѣны, особенно съ кардиналомъ Гангльбауеромъ—по поводу «палестинской» коллекціи.

Мы говорили до сихъ поръ о Верещагинѣ, какъ о художникѣ, вскользь лишь упомянувъ о немъ, какъ о писателѣ. Между тѣмъ, онъ—несомнѣнно выдающійся, высокообразованный художникъ слова, выпустившій въ свѣтъ на разныхъ языкахъ не только массу пояснительныхъ каталоговъ къ своимъ картинамъ, поражающихъ блестящимъ, литературнымъ языкомъ, оригинальностью и смѣлостью описаній, но и отдѣльныя книги и брошюры, пользующіяся заслуженной популярностью въ публикѣ, изъ которыхъ назовемъ: «Очерки путешествія въ Гималаи», «Очерки, наброски и воспоминанія», «На войнѣ въ Азіи и

Европѣ» и др. И въ этихъ произведеніяхъ Верещагинъ является неизмѣнно вѣрнымъ идеаламъ, которые проповѣдуетъ въ своихъ картинахъ: одни дополняютъ другія и для того, кто захотѣлъ бы изучать вполне Верещагина, какъ передового, выдающагося художника нашего времени, глубокаго мыслителя и человѣка, необходимо прибѣгнуть и къ трудамъ его на литературномъ поприщѣ...

Попробуемъ же сдѣлать теперь выводъ изъ всего сказаннаго нами выше, воспользо-вавшись попутно и тѣмъ, что печаталось на разныхъ языкахъ о Верещагинѣ, какъ художникѣ, чтобы доказать, что успѣхъ его картинъ, завоеванный имъ съ такимъ трудомъ и борьбою, не есть успѣхъ моды, мѣняющейся на базарѣ «житейской суеты», потребностей и вкусовъ толпы, а есть результатъ великой побѣды вѣчныхъ идеаловъ—надъ временнымъ, преходящимъ.

Начнемъ съ наружной, такъ сказать, технической стороны дарованія Верещагина.

Въ этомъ отношеніи всѣ, даже враги его, пришли къ заключенію, что Верещагинъ достигъ того совершенства, при которомъ для живописца нѣтъ уже ничего невозможнаго, если надо трактовать тотъ или другой сюжетъ. Но въ наши дни техника живописи въ общемъ настолько поднялась въ Европѣ и Россіи, что одной ею никого не удивишь. Тѣмъ не менѣе, и въ этой области В. В. Ве-

решагинь сдѣлалъ огромный, смѣлый шагъ: одинъ изъ первыхъ, если не первый, сталъ проповѣдывать онъ необходимость «plein air'a», т. е. такого писанья съ натуры, при которомъ, когда приходится изображать что-либо, происходящее на открытомъ воздухѣ, то и модель должна срисовываться на томъ же открытомъ воздухѣ, а не въ полу-темныхъ стѣнахъ закрытой мастерской. Значительныхъ денежныхъ затратъ стоило художнику устроить мастерскія, въ которыхъ; при вышеказанныхъ условіяхъ, писались-бы его огромные холсты. Но онъ добился-таки, по возможности, своего и, напริมѣръ, подѣ личнымъ его наблюденіемъ, была создана гигантская мастерская, съ дверями въ 3 сажени высотой, съ окнами въ 6 сажень, при соблюденіи условій plein air'a; въ Мюнхенѣ же, гдѣ писались его туркестанскія картины, Верещагинъ создалъ даже мастерскую, вращавшуюся вслѣдъ за солнцемъ и въ которой натурщики и модели находились все время на открытомъ воздухѣ, озаренные солнечными лучами,

«Одинъ Богъ знаетъ», говоритъ Верещагинъ, «тѣ невѣроятныя усилія, которыя я потратилъ на писанье прямо на улицѣ. Несмотря на то, что приспособленіе у меня было такое, какъ ни у кого изъ художниковъ,—и солнце меня палило, и морозъ сковывалъ руки, и вѣтеръ не разъ рвалъ десятиаршинныя полотна».

Однако, несмотря на все вышеизложенное, за-границей, точно завидуя русскому гению, до сихъ поръ оспариваютъ право Верещагина на открытіе plein air'a въ области искусства. Но правда рано или поздно возьметъ верхъ, и Верещагину поклонятся еще за границей и въ этомъ отношеніи, какъ преклоняются уже тамъ передъ гениемъ другого великаго русскаго—гр. Л. Н. Толстого, къ которому вначалѣ тоже относились скептически—осторожно.

Итакъ, путемъ усидчиваго, многолѣтняго труда, упорнаго изученія природы, безконечныхъ опытовъ и лишеній Верещагинъ достигъ того, что, какъ художественный техникъ, стоитъ внѣ конкуренціи. Но Василій Васильевичъ не только искусный рисовальщикъ, рабски переносящій на полотно и бумагу то, что видитъ; онъ—къ тому же, и великій мыслитель, философъ, знатокъ человеческого сердца, глубокій психологъ массы... Въ этомъ отношеніи положительно нѣтъ ему равнаго между современными художниками, что и признано за нимъ печатно такими авторитетами, какъ знаменитые художники Менцель и Мейсонъ... Взять хотя-бы его сюжеты изъ русско-турецкой и туркестанской войнъ.... Батальная живопись существуетъ на свѣтѣ столѣтія; галлерей,—и частныя, и правительственныя,—увѣшаны картинами прославленныхъ мастеровъ, посвятившихъ себя этому жанру. Но до Верещагина война

изображалась въ сущности всегда или въ искусственно-приподнятомъ или въ искусственно-слащавомъ тонѣ. Зритель восхищался картинностью сраженій и отдѣльных эпизодовъ; передъ нимъ въ густомъ дымѣ, точно съ умысломъ напущенномъ въ картину, чтобы скрыть ужасы дѣйствительности, проходили побѣдоносныя войска съ генералами, словно на парадѣ гарцующими впереди красавцевъ-солдатъ, весело идущихъ въ бой въ мундирахъ «съ яголочки», или умирающихъ въ живописныхъ группахъ... Были, конечно, здѣсь и смерть, и раны, и кровь, и страданія; но они точно умышленно затушевывались художникомъ въ общемъ движеніи тысячь сражающихся, въ общей погонѣ за эффектами... И что же? Вы восторгались картиной и отходили отъ нее съ сознаніемъ, что война—нѣчто красивое, достойное быть воспѣтымъ; что даже смерть не страшна подъ звуки музыки, на глазахъ у знаменитыхъ вождей, подъ развѣвающимися знаменами... Васъ ничто не возмущало, не вызывало на размышленія... А затѣмъ, отойдя отъ картины, вы быстро забывали ея подробности и со спокойной душою переходили къ другимъ такимъ-же произведеніямъ... Правда, большинство писавшихъ подобныя картины создавало ихъ на заданныя темы въ мастерскихъ своихъ, сами никогда не будучи въ сраженіи и не испытавъ на самомъ дѣлѣ, что такое война и ея ужасы, или наблюдая

сраженіе издалика, въ бинокли. — Поэтому, смотря на картины многихъ баталистовъ, вы невольно чувствуете какую-то скрытую въ нихъ фальшь и отходите неудовлетвореннымъ. Мало того, вы спрашиваете себя: «да было ли это такъ? Не присочинила-ли досужая фантазія художника»...

Не то мы видимъ у Верещагина: Василій Васильевичъ въ этомъ отношеніи совершилъ удивительные подвиги, самъ переживъ и перестрадавъ физически и нравственно всѣ случайности войны, при томъ не изъ прекраснаго далека, не въ безопасности отъ выстрѣловъ, схватывая общія картины и разрисовывая ихъ потомъ съ помощью воображенія въ мирной обстановкѣ мастерской... Пѣтъ, мы знаемъ достоверно, что онъ шелъ въ ряды простыхъ солдатъ, каждую минуту наравнѣ съ ними рисковалъ жизнью, самъ записался и убивалъ другихъ, чувствовалъ на себѣ не разъ холодное дыханье смерти и—на основаніи личнаго огромнаго опыта—возмечавдѣть войну настолько сильно, чтобы, пользуясь талантомъ, передать эту ненависть и другимъ, войны невидѣвшимъ... Множество этюдовъ написаны имъ подъ страшнымъ огнемъ непріятеля, во время морозовъ и вьюгъ, когда кисть вываливалась изъ окоченѣвшихъ пальцевъ; не разъ лопнувшій вблизи снарядъ обдавалъ начатую работу взрытою землею, заставляя его лишь перемѣнить мѣсто. Не разъ—по его признанію—мысленно

прощался онъ уже съ жизнью. При атакахъ дикихъ азіатскихъ полчищъ, стоялъ онъ плечомъ къ плечу съ русскимъ солдатомъ, живя съ нимъ по-братски,— не смотря на разницу въ общественномъ положеніи и воспитаніи—одними и тѣми же ощущеніями, надеждами, радостями и горемъ... А кончился сраженіе —Верецагинъ—по свидѣтельству очевидца писателя Немировича-Данченко—вмѣсто законнаго отдыха и успокоенія нервовъ—шелъ по полямъ и оврагамъ, собиралъ окровавленное тряпье, обломки оружія, вглядываясь въ лица мертвыхъ, въ положеніе ихъ тѣлъ, а затѣмъ, тутъ же, на мѣстѣ, въ зловоніи и ужасѣ вѣтихаго поля сраженія, или со слезами на глазахъ въ какомъ нибудь турецкомъ брошенномъ лазаретѣ, гдѣ мертвые и живые были соединены вмѣстѣ на произволъ судьбы —онъ зачерчивалъ всякую ничтожную, казалось-бы, деталь, которая могла, однако, впоследствии послужить къ болѣе рельефному изображенію дѣйствительности... Вѣдь до сихъ поръ живы еще многіе, видѣвшіе, кромѣ Немировича-Данченко, при какихъ условіяхъ геройски работалъ иногда Верецагинъ... Полученная имъ въ бою на Дунаѣ рана краснорѣчиво говоритъ о той дорогой цѣнѣ, которою покупались имъ непосредственныя впечатлѣнія и наблюденія, а уваженіе такихъ лицъ, какъ М. Д. Скобелевъ, видѣвшій неоднократно возлѣ себя нашего художника въ боевой обстановкѣ, служитъ ручатель-

ствомъ того, что Верещагину близко знакома подобная обстановка... Поэтому, когда Василій Васильевичъ даетъ намъ изображеніе войны—мы смѣло можемъ, даже должны повѣрить ему на слово.

А между тѣмъ, именно за батальныя картины и обвиняли Верещагина во лжи, тенденціозности, даже отсутствіи патріотизма; за нихъ-то и вынесъ онъ невыразимыя нравственныя пытки, доведшія его до собственно-ручного уничтоженія картинъ, т. е. до суда надъ собою. Такое отношеніе къ художнику сдѣлается, впрочемъ, отчасти понятнымъ, если встать въ положеніе общества... Впервые люди увидѣли войну, съ которой дерзкій, начинающій художникъ вдругъ смѣло сорвалъ традиціонное красивое покрывало, показавъ за развѣвающимися знаменами и церемоніальнымъ маршемъ боевыхъ колоннъ ослабленную маску злорадной, торжествующей смерти... Привыкшіе къ опоэтизированию войны внезапно очутились лицомъ къ лицу съ неприкрашенной истиною, съ грудамъ убитыхъ, изуродованныхъ, еще недавно полныхъ жизни, надеждъ и ужаса, ближнихъ... То отвращеніе, которое въ художникѣ вызвала война, страстно перелалъ онъ въ свои картины; тотъ протестъ, который давилъ ему самому сердце многіе годы и разжигалъ мозгъ, подобно электрическому току, передался зрителямъ, потрясъ ихъ, заставилъ страдать и ихъ вмѣстѣ съ очевидцемъ человѣческой бойни...

Никогда еще, со времени существованія на землѣ искусства, гуманная христіанская идея мира, человѣколюбіи, милосердія не находила такого яркаго, безпощаднаго и къ себѣ, и къ зрителю, выразителя—среди художниковъ,—какъ Верещагивъ. Смѣло можно сказать, что сотни велерѣчивыхъ трактатовъ противъ войны, проповѣди самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ и проповѣдницъ всеобщаго мира, усилія лучшихъ людей нашего времени, не сдѣлали того, что сдѣлали въ свое время и дѣлаютъ картины Верещагина—въ смыслѣ проповѣди въ массахъ любви и милосердія къ ближнему, въ смыслѣ горячаго протеста противъ братоубійства... Живопись имѣетъ то несомнѣнное преимущество, что она понятна, наглядна, одновременно доступна милліонамъ и способна переносить ихъ въ обстановку, которую надо непременно видѣть, чтобы оцѣнить по нравственному ея достоинству, гдѣ слово, самое краснорѣчивое, становится порой безсильнымъ.

Верещагивъ не преувеличиваетъ своихъ заслугъ обществу, но и не умаляетъ ихъ, сознательно работая на благо человѣчества. Онъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ своей проповѣди и едва-ли теперь когда либо поддастся былому порыву малодушія, чтобы уничтожить то, что создавалось въ мукахъ сознательнаго творчества... Онъ ясно глядитъ впередъ; колебаній молодости для него какъ бы болѣе не существуетъ.

Не даромъ-же въ статьѣ своей «О реализмѣ» онъ пишетъ:

«Хорошо, то, что мы скажемъ, быть можетъ, и не ново, однако несомнѣнно, что идея объ этомъ еще не проникла въ сознание людей. Вооружившись богатыми ресурсами искусства, мы скажемъ людямъ нѣсколько истинъ.

«Перестаньте», скажемъ мы имъ, «перестаньте улаживать себя иллюзіями идеализма, которыя убиваютъ вашъ разумъ, — идеализма высокопарныхъ словъ и фразъ; оглянитесь вокругъ себя глазами сознательнаго реализма и вы убѣдитесь въ своемъ заблужденіи. Вы не христіане, которыми желаете прослыть. Вы не представители христіанскихъ обществъ, христіанскихъ государствъ».

«Тѣ, кто убиваетъ себѣ подобныя человѣческія существа сотнями, тысячами — не христіане».

«Тѣ, кто постоянно руководится въ частной и общественной жизни принципомъ «око за око, зубъ за зубъ» — не христіане».

«Тѣ, кто не даетъ бѣднякамъ ничего или почти ничего — не христіане».

«Что сдѣлали вы съ заповѣдью Спасителя о христіанскомъ смиреніи и о вспоможеніи тому, кто находится въ дѣйствительной нуждѣ?»

Вотъ, въ этихъ немногихъ пылкихъ, вылившихся изъ сердца, словахъ — ясная, твердая, безповоротная программа, замѣченная художникомъ. Вотъ тотъ идейный, осмыс-

ленный реализмъ, въ основу котораго положены наблюденія и факты, безсмертная природа, часто одухотворенная высокой, христіанской идеей милосердія и любви!.. И подобный осмысленный реализмъ противопоставляетъ Верещагину идеализму, который—какъ онъ говоритъ—«основанъ лишь на впечатлѣніяхъ и показаніяхъ, установленныхъ à priori»...

Много видѣлъ на своемъ вѣку Василій Васильевичъ, со многими великими, выдающимися людьми близко сталкивала его судьба; много разочарованій и мукъ перенесъ онъ. Но эта суровая школа жизни и слава, которою Верещагину давно уже пользуется, не обратили его въ пророка, ставящаго себя въ примѣръ другимъ и осуждающаго ближняго съ высоты личныхъ своихъ достоинствъ... Напротивъ, кто имѣлъ случай лично узнать Верещагина, тотъ поражается его простотой, доступностью, скромностью, способностью ступиваться въ обществѣ... Никогда въ своихъ воспоминаніяхъ не кутается онъ въ героическую тогу: мы видимъ передъ собой человѣка такого же, какъ и мы, смертнаго, годчасъ ѣдко смѣющагося надъ своими недостатками и приключеніями, не скрывающаго дурихъ поступковъ въ собственной жизни... Правдиво, по совѣсти рассказываетъ онъ о себѣ; правдиво, по совѣсти пишетъ онъ свои картины. Вы можете не соглашаться съ нимъ, отыскивать недостатки въ его произ-

веденіяхъ, не любить его, какъ человѣка, какъ художника, но вы не въ правѣ говорить, что въ чемъ либо проявилась у него неокрепность, расчетъ, рисовка. Всякая такъ называемая «отсебятина» противна ему. Онъ пишетъ только то, что видѣлъ—будетъ-ли это портретъ, сцена сраженія, пейзажъ, подробность одежды. Но то, что онъ пишетъ—или вѣрно натурѣ, или обобщено, озарено идеей...

Но для того, чтобы быть великимъ художникомъ въ указанномъ смыслѣ нравственно-воспитательнаго воздѣйствія на общество, надо быть и великимъ человѣкомъ, надо умѣть свое личное «я» беззавѣтно отдать служенію милліонамъ другихъ «я»; надо умѣть познать ближняго, возлюбить его, какъ самаго себя... Надо, наконецъ, путемъ личнаго страданія дойти до познанія страданій другихъ... Недаромъ-же, создавая по этюдамъ съ натуры свои картины изъ русско-турецкой войны, Верещагинъ часто плакалъ надъ многими изъ нихъ, мучился, негодовалъ, скорбѣлъ, переживая прошлое... И это душевное состояніе, эта вѣра въ лучшіе, возвышенные идеалы, въ хорошія стороны человѣческой личности, эта упрямая надежда на время, когда война—если не прекратится, то утратитъ свой жестокой, варварскій характеръ,—были высказаны красками съ такой искренностью, правдой и смѣлостью, что толпа, сбита въ первыя минуты съ толку, погрязенная, не

имѣвшая возможности разобраться въ своихъ ощущеніяхъ—новыхъ, небывалыхъ—замира-ла, страдала и негодовала за это страданіе на мало-извѣстнаго смѣльчака—художника. Представляю себѣ торжество Верещагина, когда онъ видѣлъ результатъ своихъ трудовъ, слышалъ благословенія друзей мира и проклятія, протесты, глумленія, сыпавшіеся на его голову отъ тѣхъ, кого такъ или иначе задѣла голая, неприкрашенная истина... Но не смотря на страданіе, ей причиненное, толпа шла и шла на выставку, чтобы, за-таивъ дыханіе, часами стоятъ у его произве-деній, давая отчетъ неумолимой совѣсти, за-гипнотизированная искренностью, убѣжден-ностью удивительнаго таланта. . Разсказыва-ютъ, что фельдмаршалъ Мольтке, посѣтившій въ Берлинѣ въ 1882 г. выставку картинъ Верещагина на темы изъ военныхъ дѣйствій, и узнавшій, что картина, изображающая гру-ду череповъ—какъ трофей войны—посвящена художникомъ всѣмъ завоевателямъ—прошед-шимъ, настоящимъ и будущимъ, съ негодо-ваніемъ ушелъ съ выставки и... запретилъ прусскому офицерству посѣщать послѣднюю, вѣроятно, боясь, чтобы такая неприкрашен-ная правда о войнѣ не отразилась-бы дурно на духъ его подчиненныхъ... Но наивъ, рус-скимъ, нечего бояться картинъ Верещагина: вовлеченные въ войну всегда крайней необ-ходимостью, не желающіе войны, но и без-страшно глядящіе ей въ лицо, мы грозны

врагамъ въ поляхъ сраженій, но мы въ то же время и тамъ умѣемъ щадить павшаго врага, уважать его личность, мы не забываемъ въ самомъ пылу битвы, что носимъ имя Христово... Гуманныя идеи, вложенныя Верещагинымъ въ его картины, родственны съ нашей натурой. Скажу болѣе: по моему глубокому убѣжденію, только у русскаго, у военнаго русскаго, на себѣ вынесшаго суровую школу войны, какимъ былъ и есть Верещагинъ, могло явиться это глубокое пониманіе изнанки войны, эта жажда мира—въ самомъ пылу военныхъ дѣйствій, этотъ протестъ противъ звѣрства, репрессалій, эта всепрощающая правда... Да и въ наши дни... Въ то время, когда вся Европа вооружается, готовится къ безпримѣрной, всеобщей рѣзнѣ, развѣ не изъ Россіи, съ высоты Престола, въ когоромъ возсѣдаетъ истинно-русскій, по крови и духу, великій Царь, раздался мощный, властный голосъ за миръ, противъ войны, уничтожающей, развращающей цвѣтъ населенія и задерживающей чело-вѣчество на пути мирнаго его прогресса?!... Развѣ не мы, русскіе, въ происходящихъ теперь военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ, по завѣту своего Царя, громко провозгласили, что вовлечены въ войну лишь силою обстоятельствъ, вложивъ мечъ въ ножны, какъ только явилась къ тому первая возможность?!

Намъ понятна поэтому, близка, симпатична проповѣдь Верещагина, и если мы ранѣ

протестовали противъ его картинъ, то лишь потому, что васъ болѣзненно, слишкомъ неожиданно ударило по нервамъ, и безъ того слишкомъ натянутымъ... Но вотъ улегся шумъ первыхъ протестовъ, вызванныхъ выставками Верещагина, клевета и зависть одѣлали свое дѣло и замолкли, ошеломленное общество пришло въ себя—и мы стоимъ теперь передъ этими безсмертными твореніями родного гевія со словами на устахъ покойнаго Царя-Освободителя, которыя произнесъ онъ передъ ними-же, съ грустью разсматривая полотна:

«Все это—вѣрно! Все это такъ и было!»

Милліоны сердець до сихъ поръ повторяютъ эти знаменательныя слова, прибавляя къ нимъ: «Это не должно повторяться! Мы христіане!.. Война—позоръ для человѣчества!»—Сколько людей отошло отъ картинъ Верещагина, ставъ лучше, проникнувшись состраданіемъ къ ближнему и отвращеніемъ къ злу... Невозможно прослѣдить, взвѣсить, переложить на цифры ту массу добра, которую сдѣлали работы нашего художника... И настанетъ время, когда имя Верещагина будетъ красоваться на ряду съ величайшими гуманистами и просвѣтителями человѣчества всѣхъ вѣковъ: мы твердо вѣруемъ въ торжество справедливости, и безпристрастіе суда исторіи!.. Мы вѣруемъ также въ то, что когда художественная техника пойдетъ впередъ и превзойдетъ технику Верещагина,

когда болѣе дерзновенные, чѣмъ онъ, художники—борцы за правду покажутъ эту правду человечеству въ болѣе яркихъ, доступныхъ образахъ—творенія Верещагина все-же не утратятъ своего значенія—такъ какъ въ нихъ вложено вѣчное, идеальное, которое будетъ понятно всякому въ предѣлахъ времени и національности—пока ученіе Христа останется единственнымъ ученіемъ, которое не расхатали лже-учителя и лже-пророки современности.

Одинъ изъ учителей К. П. Брюллова, въ порывѣ восторга передъ новымъ произведеніемъ гениальнаго ученика своего, скромно спрашивавшаго его мнѣнія, воскликнулъ: «Мнѣ-ли учить тебя?.. Да каждый взмахъ твоей кисти—есть хвала Господу!»—Эту фразу можно смѣло примѣнить и къ работамъ Верещагина, никогда не писавшимся въ цѣляхъ угодать модному современному Молоху. Неудивительно, поэтому, что Верещагинъ стоитъ особнякомъ между художниками, что онъ не создалъ своей школы, къ которой можно было бы приклеить опредѣленный, понятный большинству, ярлыкъ... Изучайте природу, служите истинѣ, указывайте новыя перспективы въ смыслѣ освѣщенія новыхъ, нетронутыхъ еще сторонъ человеческой и общественной жизни, будьте истинными, не на словахъ, а на дѣлѣ, послѣдователями Христа—и, если вы художникъ, то, быть можетъ, столкнетесь съ Верещагинымъ на его пути, но все

же не одѣлаетесь его подражателемъ — въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать, говоря объ ученикахъ знаменитостей, усваивающихъ ихъ жанръ и манеру писать... Всякое подражаніе Верещагинъ считаетъ гибелью для таланта и, не желая плодить слабыхъ, ненужныхъ и вредныхъ подражателей, упорно отказывается отъ профессуры въ академіи... Но, конечно, онъ не отрицаетъ ни значенія академіи художествъ, какъ первоначальной школы, ни значенія художественныхъ теченій прошлаго времени, ни старинныхъ мастеровъ, даже отводитъ послѣднимъ почетное мѣсто — но только въ исторіи искусствъ. А подражать этимъ мастерамъ — другое дѣло. „Все хорошо въ свое время“, высказался Верещагинъ въ одной изъ своихъ статей: «и реализмъ одного столѣтія уже носить въ себѣ зачатки идеализма слѣдующаго за нимъ вѣка».

Твердо вѣруя въ прогрессъ искусства, Василій Васильевичъ ставитъ послѣдній въ прямую зависимость отъ серьезнаго изученія исторіи, естественныхъ и другихъ наукъ — отъ умѣлаго примѣненія ихъ къ задачамъ искусства. Онъ говоритъ, что «молодая школа художниковъ приметъ за неизмѣнное правило ставить каждое событіе въ гармоническое соотвѣтствіе съ временемъ, мѣстомъ, освѣщеніемъ, чтобы воспользоваться всеми новѣйшими изобрѣтеніями науки относительно характеристики костюмовъ и всякихъ психоло-

гическихъ и этнологическихъ деталей». Иными словами, двинется впередъ наука — двинется рука объ руку съ ней и искусство... Нѣтъ конца этому поступательному движенію... А ватѣмъ, по глубокому убѣжденію Верещагина, надо трудиться, учиться и учиться безъ конца, — до тѣхъ поръ, пока въ груди бьется сердце, пока работаетъ голова и кисть держится въ пальцахъ. — Біографія Василія Васильевича, составленная умѣло и съ любовью, для русскаго юношества, какъ біографія человека, посвятившаго всю жизнь свою на подвиги добра, труда и науки — была бы въ наши дни слабыхъ, блѣдныхъ, безвольныхъ характеровъ — крайне своевременной и полезной...

Мы кончаемъ нашу бѣглую замѣтку, не будучи въ силахъ, по недостатку времени и матеріала, освѣтить ее многочисленными фактами и примѣрами изъ прошлаго Верещагина. Мы даже сознаемся откровенно, что не видѣли всѣхъ картинъ его, которыя прибываютъ въ Вильну. Но и того, что сказано, вполне достаточно, чтобы уяснить себѣ значеніе предстоящей у насъ выставки для всякаго, безъ различія возраста, національности, убѣжденій, положенія. Значеніе это приобретаетъ еще большій смыслъ въ наши дни, когда на двухъ пунктахъ земного шара идетъ братоубійственная кровавая война и когда крошечный народъ буровъ борется за свобо-

ду и родину гъ гигантомъ, вооруженнымъ—
увы!—по послѣднему слову науки...

Но честь и слава той странѣ, которая, въ
вѣкъ всеобщаго увлеченія милитаризмомъ,
всеобщаго безвѣрія, отсутствія возвышен-
ныхъ идеаловъ, дала міру художника, по-
добнаго Верещагину—честнаго, вѣрующаго,
горячаго проповѣдника правды и любви,
странѣ, которая позволила широко расцвѣсть
этому рѣдкому дарованію и которая, считая
художника за лучшаго изъ сыновъ своихъ,
съ гордостью произноситъ его имя. Честь и
слава также и великому борцу за свободу
человѣческой личности, за «униженныхъ и
оскорбленныхъ», за торжество поруганной
правды — страдальческая, подвижническая
жизнь котораго—сплошной, поучительный
примѣръ для всѣхъ, кто служеніе истинѣ
ставитъ выше суетныхъ, преходящихъ радо-
стей земной жизни!..

А. В. Ж—чь.



УКАЗАТЕЛЬ
ВЫСТАВКИ КАРТИНЪ

В. В. Верещагина.

1) Передъ Москвою --- ожиданіе депутаціи
бояръ.

2) Въ Успенскомъ соборѣ.

3) Въ Кремлѣ — пожаръ!

4) Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.

5) Въ Городнѣ — пробиваться или отступать?

6) На этапѣ — дурныя вѣсти изъ Франціи.

7) На большой дорогѣ — отступленіе.
бѣгство...

8) Не замай! — дай подойти!

9) Съ оружіемъ въ рукахъ — разстрѣ-
ляты!

10) Въ штыки! Ура! Ура!

11) Вологодскій мастеровой.

12) Вологодскій домикъ вечеромъ.

13) Старушка вологжанка.

14) Послушница Вологодскаго женскаго
монастыря.

15) Портретъ г-жи Р.

16) Закатъ солнца надъ Москвою.

17) Хорошенькія кумушки.

18) Подвыпившія кумовья.

19) Часть московскаго Кремля, ночью.

20) Дѣла.

21) Оставной дворецкій.

22) Старуха нищенка, 96 лѣтъ.

23) Вѣчуха, молодой, лѣтливый кузнецъ.

- 24) Паперть церкви въ селѣ Толыковѣ,
близъ Ярославля.
- 25) На сѣверной Двинѣ—въ грозу.
- 26) На югѣ.
- 27) Скала подъ Инкерманомъ.
- 28) Въ Крыму.
- 29) Въ Крыму.
- 30) Въ Крыму.
- 31) Портретъ г-жи В.
- 32) Прачка въ Вашингтонѣ.
- 33) Темный джентельменъ.
- 34) Высматриваютъ.
- 35) Панадаютъ врасплохъ.
- 36) Окружили—преслѣдуютъ.
- 37) Представляютъ трофеи.
- 38) Торжествуютъ.
- 39) У гробницы святого.
- 40) Апоеозъ войны.
- 41) Дверь Тамерлана.
- 42) Продажа невольника.
- 43) Дверь мечети.
- 44) Смертельно раненый.
- 45) Киргизъ-охотникъ.
- 46) Самаркандская тюрьма клоповникъ.
- 47) «Гсъ! пусть войдутъ!..»
- 48) Вошли!
- 49) Хоръ Дивановъ, въ Ташкентѣ.
- 50) Забытый.
- 51) Перекочевка киргизовъ.
- 52) Парламентеры.
- 53) Разстрѣливаніе изъ пушекъ въ Индіи.
- 54) При гробницѣ святого.

- 55) Ворота въ старомъ Дели.
- 56) Принцъ Уэльскій въ Индіи.
- 57) Буддійскій лама въ Гималаяхъ.
- 58) Церлъ—мечеть въ Агрѣ, въ Индіи.
- 59) Мечеть въ Футепорѣ Сякри.
- 60) Старый домъ близъ Агры (въ Футе-
порѣ-Сякри).
- 61) Индійскій мусульманинъ.
- 62) Бутія, въ Гималаяхъ.
- 63) Людоѣдъ.
- 64) Бывшая мастерская В. В. Вереща-
гина въ Парижѣ.
- 65) Дорога въ Плевну.
- 66) Побѣжденные.
- 67) Побѣдители.
- 68) Передъ атакой.
- 69) Послѣ атакъ.
- 70) Траншея.
- 71) Пикетъ въ Балканахъ.
- 72) «Иа Шипкѣ все спокойно!»
- 73) Улица на Шипкѣ.
- 74) Транспортъ раненыхъ.
- 75) Шпіонъ.
- 76) Скобелевъ подъ Шипкой-Шейновымъ.
- 77) Пикетъ на Дунаѣ.
- 78) Главный штабъ.
- 79) Адъютантъ.
- 80) Могилы на Шипкѣ.
- 81) Гробница королей въ Іерусалимѣ.
- 82) Стѣна Соломона тамъ же.
- 83) Русскій пустынный на Іерданѣ.
- 84) Румынскій монахъ, пустынный.

- 85) Еврей—раввинъ.
- 86) Къирскій арабъ.
- 87) Арабка.
- 88) Пещера «сорокадневной горы».
- 89) Трапеза рядомъ съ этою пещерой.
- 90) Въ Иерусалимѣ.
- 91) Близъ Тиверіады.
- 92) Въ пустынѣ.
- 93) Тоже.
- 94) На озерѣ.
- 95) Московскій Кремль.
- 96) Дворикъ еврейскаго дома въ Иерусалимѣ.
- 97) Мастерская В. В. Верещагина въ Москвѣ.
- 98) Наполеонъ въ Бородинской битвѣ.
- 99) Конецъ Бородинскаго сраженія.
«Vive l'Empereur!»
- Вдали, на блѣдомъ конѣ, показывается тихо
облѣзающій поле сраженія Наполеонъ.
- 100) Зарево Замоскворѣчья.
- 101) Сквозь пожаръ.
- 102) Поджигатели.
- 103) Въ Чудовомъ монастырѣ.
- 104) «Хочу мира — во что бы то ни стало!
Спасите только чести!» (наказъ генералу Дористону).
- 105) Ночной привалъ великой арміи.
- 106) Наполеонъ въ морозъ.
- 107) Генералъ Раинъ.
- 108) Въ Балканахъ, Шипкинскія батареи,
Зимой (1878 г.).

109) Въ Балканахъ, на перевалѣ (1878 году).

110) Московскіе Кремлевскіе соборы, въ зимнемъ туманѣ.

Юго-восточный уголъ Кремля.

На Сѣверной Двнѣ, Закатъ солнца.

Молодая дѣвушка сѣвера Россіи.

Молодая еврейка.

Еврейскіе типы.

Малороссіянинъ.

Малороссіянка.

Татаринъ.

Южно-русская красавица.

Въ Туркестанѣ, нищенствующіе монахи.

Въ Индіи, сухое дно рѣки Джумна.

Въ Индіи, заходъ солнца надъ мечетью (Дели).

Въ Индіи, снѣга Гималаевъ.

Въ Трансваалѣ и вездѣ, сегодня... завтра... какъ вчера... подъ всѣми формами.

Въ Іерусалимѣ—царскія гробницы.

На Кавказѣ, по военно-грузинской дорогѣ.

На Кавказѣ, гора Казбекъ.

Гора Эльборусъ.

Въ Крыму.

Въ Крыму, мысъ Фіолентъ, Партеніумъ древнихъ.

Мысъ Фіолентъ, при заходѣ солнца.

Храмъ Діаны, на мысъ Партеніумъ.

Георгіевскій монастырь вечеромъ.

Крестовая гора.
Скала св. Георгія, утромъ.
Она-же вечеромъ.
Портретъ г-жи В.
